

Владимир Колганов

Охота на министра

18+

Владимир Колганов
Охота на министра

«Автор»

2020

Колганов В. А.

Охота на министра / В. А. Колганов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-05209-3

Основой для сюжета этого романа послужили два коррупционных скандала, которые потрясли общественность несколько лет назад. Автору пришлось многое домысливать – иначе трудно объяснить, почему один министр попал в тюрьму, а другой почти не пострадал. Оказалось, что найти истинную причину такой коллизии совсем не просто, хотя кое-какие выводы можно сделать на основе материалов, опубликованных в СМИ. Но вынесение приговора невозможно без авторской фантазии. Фамилии и имена персонажей, а также большая часть описанных событий вымышлены, совпадения случайны. Оформление обложки выполнено автором.

ISBN 978-5-532-05209-3

© Колганов В. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Три кита	5
Глава 1. Мечты	5
Глава 2. Происхождение субъекта	7
Глава 3. Дворянское гнездо	10
Глава 4. Перспективы роста	15
Глава 5. Инициатива не наказуема	20
Глава 6. Аппетит во время еды	22
Глава 7. Ах, какая женщина!	26
Глава 8. Парадоксы власти	29
Глава 9. Тюлькин и Пузан	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Колганов

Охота на министра

Часть 1. Три кита

Глава 1. Мечты

Приснился Аркадию Евграфовичу сон. Будто поспорил он с довольно привлекательной девицей, что одной спички недостаточно для того, чтобы сжечь все волосы на голове. Дурацкая, в общем-то, затея, но ведь на то и сон... В жизни он бы такого, уж конечно, не позволил. Вот ещё! Только экспериментов над собой и не хватало. Итак, он ей и говорит, передавая коробок со спичками:– Сожжёшь, я тогда любое твоё желание исполню. А нет – ты мне... Ну, чем она обязана будет ему отплатить, если спор проиграет, это всем понятно.

Но вот чиркнула девица спичкой по коробку, и через несколько секунд вся голова Федюкина оказалась выметена, как под метёлку. Затем всё лицо покрылось волдырями, а с глазами сделалось такое, словно бы зрение напрочь потерял – кругом тьма и только искорки летают. Ужас охватил Федюкина, причём не смутило даже то, что волос на голове уже изрядно поредел к пятидесяти годам, так что и жечь-то по большому счёту было нечего. Проснулся весь в холодном поту и как ни пытался успокоить себя, что-то подсказывало – сон этот, несомненно, в руку.

Вообще-то во сне чего только не приходит в голову. Именно так однажды появилось неодолимое желание представить себя в образе потомственного дворянина, ещё лучше – графа или ещё кого-нибудь из придворной знати. Иногда это удавалось, то есть Аркадий Евграфович оказывался вдруг во дворце, среди шикарно разодетых дам, сверкающих эполетами офицеров, да и сам чувствовал, что он в этой зале далеко не последнее лицо, чему свидетельством расшитый золотыми нитками мундир то ли егермейстера, то ли камергера. Однако всё это было ненадолго – видение обычно возникало неожиданно и длилось всего несколько минут. И всё же заметный след в его сознании оно оставило, отсюда все эти странности в отношении к окружавшей его жизни: милицию он стал мысленно называть городскими, ОМОН – жандармами, своих советников и заместителей – челядью, солдатиков – холопами, прочих граждан – быдлом, ну а главу государства величал исключительно и только «государем».

Надо сказать, такой поворот в мировоззрении пришёлся Федюкину явно по душе, словно бы открылось то, о чём втайне он давно уже мечтал, только признаться в этом не решался. Со временем желание обрести почётный титул стало настолько сильным, что как-то само собой перекочевало из области неподвластных разуму видений во всегдашнюю реальность. Федюкин даже графский герб заказал знакомому художнику, так, на всякий случай, хотя дворянином его категорически отказывались признавать – в Российском дворянском собрании, мягко говоря, послали, заодно ещё и прилюдно высмеяв. Им почему-то требовалась родословная, а где такую взять? Не мог же он признаться в том, что прадед служил старшиной сапожного цеха в ремесленной управе, ну а прабабка обреталась в Кубанском войсковом приюте для девиц, да и то, стыдно сказать, – числилась там надзирательницей. Ну где тут, скажи на милость, хотя бы крохотные намёки на дворянство?

Перешерстил Федюкин списки столбовых дворян и прочей местной знати по всем губерниям с начала восемнадцатого века. Перечитал все родословные, которые только удалось найти. Искал малейшую зацепку, ну хоть кого-нибудь с такой или похожей на него фамилией. Всё оказалось без толку! Ни подпоручика в пехотном полку, ни столоначальника в уездной

управе – нигде ничего подходящего так и не нашёл. Можно, конечно, предположить, что кто-то из его предков был незаконнорожденным сыном генерала или статского советника – такие случаи бывали. Тогда этому бедняге назначалась фамилия как бы с потолка. Но кто же, прости господи, даст эту неказистую фамилию потомку дворянина?

Как-то пришла в голову мысль, а не поискать ли за границей. Многие «бывшие» там обосновались ещё с незапамятных времён. С тех пор и фамилии, небось, переменили на тамошний манер. Или же совсем наоборот – немало французских офицеров осело в России после разгрома армии Наполеона. Так ведь вполне могли позаботиться о том, чтобы приписать к прежней фамилии хотя бы пару букв, к примеру «ин». Вот только в этом случае первоосновой мог быть исключительно «Федюк», что уж совсем не увлекало. И всё-таки надежда сохранялась, поскольку наверняка имелись и более интересные варианты происхождения фамилии.

Недавно летал в Париж на переговоры – речь шла о разработке новой формы для солдатиков. Пришлось пообщаться с несколькими знаменитыми тамошними кутюрье, однако их предложения Аркадия Евграфовича не впечатлили. Уж очень всё замысловато, вычурно, да и цена кусается, а ведь для солдата главное, чтобы летом руки-ноги не потели. Василиса ещё тогда обратила внимание, что Федюкин словно бы витает в облаках вместо того, чтобы обсуждать детали формы. Она-то уже видела себя одетой «от Версаче» или хотя бы «от Диор». Но что поделаешь, если даже во время переговоров Аркадий Евграфович всеми своими мыслями был там – недалеко от парка де Монсо и собора Александра Невского, на маленькой парижской улочке, в доме, где размещался с давних пор Союз русских дворян. И словно бы уже кончиками пальцев слегка похолодевших, чуть дрожащих рук ощущал тепло бумаги, на которой витиеватым почерком написано: «Внести в шестую часть Родословной книги Союза русских дворян Федюкина Аркадия Евграфовича, рождённого...» Ну и так далее – с тем, что положено писать в дворянских грамотах, он ознакомился заранее. Смутила только обнаруженная им в образце такого документа оговорка по поводу того, что «настоящее свидетельство действительно до утверждения оною законою в России властью». Чем же им эта власть не угодила? Да если бы не она, родимая, разве когда-нибудь пришла бы ему в голову мысль о графском титуле.

Надо признать, что желание стать дворянином возникло у Федюкина, только когда уже приблизился к вершине власти, что называется, на длину протянутой ему руки. В сущности, его теперешняя должность вполне соответствовала званию церемониймейстера, по крайней мере. То есть стоять по правую руку от «государя» на парадах, да рапортовать о достигнутых успехах на очередных манёврах. Всё остальное было недоступно вниманию посторонних лиц, поскольку военные дела в немалой степени связаны с секретностью, а потому и личная жизнь, и увлечения, и методы руководства Федюкина своим ведомством оставались тайной за семью печатями.

Если бы не эти проблемы с получением дворянства, грех было жаловаться – со временем удалось скопить солидный капитал, потом выправил себе степень доктора каких-то там наук, а уж когда устроился в должности военного министра, жизнь стала приобретать черты, свойственные только небожителям. Вроде бы чего ещё желать? На самом деле, всё было не так. Это его не вполне внятное происхождение вечно напоминало о себе, даже когда никто о том не спрашивал. Он ощущал себя купчишкой, выбившимся в люди из лакеев – безродным простолюдином среди потомков графов и иных дворян. Теперь даже страшно вспомнить, с чего он начинал! Голь перекатная, босяк! И главное – не малейшей перспективы.

Глава 2. Происхождение субъекта

В те времена на улицах родного города ещё можно было встретить человека с автоматом. Он вылезал из чёрной «волги» без номеров – вместо этого была только никелированная табличка, свидетельство принадлежности к высшей знати, – опасливо оглядывался по сторонам, поводя дулом автомата, и только после этого открывалась задняя дверь, чтобы представить прохожим и зевакам того, чьё имя даже шёпотом боялись называть. Аркаша глядел во все глаза, и сердце его замирало от восторга – вот так бы и ему когда-нибудь, под ручку с ослепительной красавицей входить в предупредительно распахнутые двери ресторана.

Однако эта дивная мечта на долгое время оказалась спрятана где-то в закоулках его памяти. Мечтать, конечно же, не вредно, если не очень увлекаться, но прежде следовало получить ну хоть какую-то профессию. Там, где всё зависело только от него, он смог показать, на что способен, хотя перспектива реализовать свои способности, работая на автобазе, нисколько не прельщала. Однажды начальник, приметив паренька, в приватной беседе поделился своим опытом:

– Ты парень смышлённый, и вот что я хочу тебе сказать. Если не хочешь всю жизнь ходить в «шестёрках» и со стола объедки подьедать, найди себе влиятельного покровителя. Вот он как танк будет тебе дорогу расчищать, ну да и ты не забудь его отблагодарить при случае.

Собственно говоря, не будь такого покровителя, вряд ли Аркаша получил бы направление на учёбу в Ленинград. Эта бумажка – всё равно как проходной билет, поскольку провинциалам для поступления в институт была выделена квота. Да хоть на тройки сдай экзамен, всё равно зачислят, даже предоставят общежитие. Поначалу Федюкин не догадывался, насколько ему повезло, какие перспективы могут перед ним открыться, когда он закончит этот, на первый взгляд, непрестижный институт – ну можно ли гордиться профессией продавца обувного магазина? Однако прошло время, пригляделся, понял, что и как, и тогда уже на всех парах помчался к своей цели. Понятно, что одним усердием в учёбе трудно заслужить признание. Да и сверхурочная работа грузчиком уверенности в светлом будущем отнюдь не добавляла, разве что на заработанные деньги немного приоделся, а ведь знающим людям хорошо известно, что внешний вид в торговле очень много значит. Впрочем, важен был не только внешний вид, но и умение сводить концы с концами. Вот в этом деле Аркаша, несомненно, преуспел.

После третьего курса студенты проходили практику. Федюкину выпало торговать бананами. Не имея опыта, управляться с механическими весами, к тому же обходясь без столь привычного теперь калькулятора – вместо него в те времена приходилось щёлкать костяшками на деревянных «счётах» – оказалось, что далеко не каждому студенту это по плечу. Только Федюкину всё удавалось. Он успевал и улыбаться покупателю, и уговорить его взять гроздь бананов чуть побольше, и самое главное – умел торговать не себе в убыток. Верно и то, что никто не стал бы утверждать, что он кого-то обсчитал – рисковать из-за нескольких рублей, в то время как до реализации мечты осталось два-три шага, этого Аркаша никак не мог себе позволить.

Следующий шаг оказался очень важным. Уже через год, на следующей летней практике ему предстояло потрудиться в должности помощника бухгалтера в магазине. Магазин был непростой, поскольку мебель – это вам не бананы, это совсем не то, о чём предстоит забыть после того, как съешь. Стенка, диван или письменный стол – если не на века, так хотя бы на полтора десятка лет. И все эти годы довольный покупатель мысленно будет благодарить продавца, оказавшего ценную услугу. Если кому-то невдомёк, тут надо пояснить, что дефицит в прежние времена являлся основой материального благополучия целой армии снабженцев, товароведов, директоров и продавцов, не исключая также водителей и грузчиков. Особенно это относилось к дефициту мебели, поскольку жителям страны, почти сплошь заросшей непроходимыми лесами, казалось вопиющей несправедливостью распределение мебели по талонам,

запись на импортные гарнитуры, бдение в нескончаемых очередях. Гораздо проще договориться с продавцом, однако и тут не обойтись без рекомендаций – понятно, что не всякому клиенту в столь деликатном деле можно доверять. Со временем Аркаша всю эту технологию освоил, хотя работа в бухгалтерии не позволяла общаться с покупателями. Однако и на этом месте он постарался доказать, что, несомненно, достоин быть шестернёй в этой многоступенчатой системе. Вполне логично, что после окончания института его взяли в местный Мебельторг.

На первых порах Федюкина не подпускали к дефициту. Стулья, тумбочки и другая мелочёвка – вот этим и приходилось торговать. Но очень скоро появились новые возможности. Существенную роль тут сыграла внешность, поскольку солидного вида, как бы наполненный значительностью продавец вызывал доверие у vip-клиентов. Вскоре он стал заведовать секцией, продававшей шкафы и секретеры, а там подоспели новые времена с куда более широкими возможностями – грянула долгожданная перестройка.

За годы работы на ниве обустройства городских квартир Федюкин обзавёлся огромным количеством знакомств. Здесь были люди, к которым при иных обстоятельствах, скажем, работай он директором овощного или винно-водочного магазина, побоялся бы приблизиться на расстояние нескольких шагов. А тут, что ни день, к нему за помощью обращались профессора и академики, популярные артисты и маститые художники, известные спортсмены и жёны иных, весьма влиятельных лиц, не считая барыг и прочих представителей уголовного мира и теневого бизнеса. Что уж тут говорить, если даже директора крупных универмагов перед ним заискивали, снабжая импортными шмотками и столь изысканными деликатесами, о существовании которых прочие граждане не подозревали. Кстати, и первый свой автомобиль Федюкин приобрёл по благу. Ах, это были золотые дни! И очевидной причиной благоденствия мебельного короля был дефицит.

Любому школьнику известно, что в прибыльном бизнесе без надёжной «крыши» невозможно обойтись. В лихие 90-е мебельные фабрики и магазины находились под бдительным надзором «братков», слетавшихся из дальних уголков России с тем, чтобы пощипать успешных бизнесменов. Общение с ними стало одним из элементов управления хозяйством, приходилось и руки пожимать, и выпивать, и вместе проводить время с девочками в бане. Всё это без особого удовольствия, но что поделаешь, надо было как-то жить, а запереть себя в четырёх стенах и не высовываться – такая жизнь была не для Федюкина. Да что тут говорить, вряд ли в бизнесе найдётся хотя бы один чистенький и незамазанный в те годы.

Вплоть до начала нового тысячелетия Аркадий Евграфович вполне успешно продвигался по служебной лестнице. Уж он-то разбирался в мебели, знал, что к чему, а между прочим, лестница – это та же мебель, скажем, если понадобится снять книгу с верхней полки стеллажа в своей квартире. Увы, на книги почти не оставалось времени, поскольку от заведующего секцией по продаже дефицитных стенок до поста генерального директора в акционерном обществе – дистанция огромного размера, и все силы приходилось тратить лишь на то, чтобы до финиша добраться самым первым.

Впрочем, о завершении карьеры рановато было размышлять, однако со временем Федюкин понял, что в этом бизнесе достиг своего предела. Отчасти именно поэтому и решил приобрести профессию юриста, хотя и в прежней должности гендиректора знание основ юриспруденции ему не помешало бы. Тогда, во время учёбы на заочном факультете он и познакомился с Тamarой.

Как позже выяснилось, его новой подруге отчаянно не повезло. Выйти за сына первого секретаря горкома партии мечтала любая девушка из номенклатурной тусовки районного масштаба. Однако после того как славные времена неожиданно закончились, муж с горя запил, потом бывшего первого секретаря не стало, и вскоре супруги разошлись. Осталась на руках дочь, и нужно было искать нового спутника жизни, более покладистого и перспективного.

Федюкин, что называется, сделал стойку сразу, как только удалось узнать, что Тамара приходится дочерью главному местному налоговому. Ему ли при его опыте общения с «братками» и налоговой инспекцией не знать, какие возможности это могло сулить. Прежде приходилось подкармливать инспекторов, поскольку даже за совет, как обойти закон, чтобы минимизировать налоги, – даже за такую малость приходилось рассчитываться пачками «зелёных». Похоже, там был свой чёткий преysкурant – с кого и сколько брать, само собой, в зависимости от доходов. Наверняка кто-то из налоговиков озолотился на его подачках, так почему бы и самому теперь тоже не попробовать?

Дело оставалось за малым – сначала развестись с прежней женой, потом жениться на Тамаре, а в качестве свадебного подарка получить должность заместителя при тесте. Тут следует признать, что отец Тамары тоже был не лыком шит – если бы не увидел в женихе задатки солидного руководителя, вряд ли бы его к себе приблизил. Так ведь ещё в Краснодаре про Аркашу было сказано: ну до чего смышлённый парень!

Кстати, о мыслях, которые время от времени возникают в голове. Первая мысль, посетившая Аркашу после того как он узнал о том, что за малопривлекательной фамилией его сокурсницы по юрфаку скрывается урождённая Дубкова – это была даже не мысль, а междометие, вырвавшееся изо рта прямо во время лекции в университете. Ну просто «Ах!» и больше ничего. По счастью, лектор не услышал либо же принял возглас восхищения на свой счёт. Федюкин же сразу после лекции забрался в Интернет, чтобы уж наверняка узнать о будущем «папаше». Тут-то и открылась ему тайна «Дворянского гнезда», а вместе с ней словно бы зажгли посадочные огни столичного аэродрома.

Глава 3. Дворянское гнездо

Так вот, немного о «гнезде». За несколько лет до того, как Федюкин оказался на юрфаке, Василий Степанович Дубков почувствовал какое-то неудобство в организме – он понял, что сдаёт. Вроде бы не старый ещё, однако вся эта реформаторская суета и безалаберность до того достали, что временами просто не хватало сил – нужно было прилечь и отдохнуть. Можно, конечно, полежать и на диване в собственной квартире, однако хотелось устроиться где-нибудь подальше от городских забот, от шумных улиц и неулыбчивых сограждан. Понятно, что не с чего им было улыбаться, но и глазеть на эти вечно недовольные, обиженные лица через стекло автомобиля даже в выходной день – это занятие крайне утомляло. Тогда-то и явилась ему благостная мысль – построить где-нибудь среди полей и лесов что-то вроде дачного кооператива, но исключительно и только для «своих». Так чтобы даже чужая мышь на территорию не проскочила! В итоге образовался коллектив: два физика, кое-кто из мэрии, вроде бы один со связями в КГБ, парочка банкиров, некий оборотистый бизнесмен, которого в итоге избрали председателем, ну и он сам, налоговый Дубков. Надо признать, что собралась вполне приличная компания, да и место для того, чтобы хоть изредка отдохнуть душой, подобрали редкое по красоте. Всё было честь по чести – берёзовая роща, цветущие луга и дивное озеро неподалёку. Хотели назвать кооператив по общему согласию – «Дворянская усадьба». Правда, даже остатков какой-нибудь усадьбы там не наблюдалось, однако старожилы поговаривали, что была – до тех самых пор, пока её крестьяне не спалили в тот самый год, когда вся эта заварушка только началась. Возможно, именно поэтому название не прижилось, и вскоре кооператив переименовали в «Дворянское гнездо».

Понятно, что вряд ли из этой затеи что-то получилось бы, если бы не связи Василия Степановича по прежней службе, когда пришлось курировать сельское хозяйство. Конечно, не обошлось и без поддержки мэрии. Собственно говоря, человек из мэрии и сыграл решающую роль в становлении дачного кооператива. И что немаловажно, в главной роли и остался, вот только роль эта со временем приобрела совершенно новые черты, о чём никто в те годы даже не догадывался.

Текущие задачи по управлению кооперативом решал тот самый оборотистый делец – некто Снетков. Были у него с мэрией какие-то общие дела, поэтому никто не удивился тому, что он оказался в их компании. В те годы процветал бартерный обмен – да просто потому, что других вариантов тогда не было. Валюты кот наплакал, а людей надо было накормить, согреть, платить пенсии, ну и какую-то зарплату. Вот и приходилось проворачивать не вполне легальные сделки, если оценивать их с нынешних позиций, и даже закрывать глаза на некоторые сопутствующие этим сделкам обстоятельства. К Снеткову до поры никто претензий не имел, поскольку после развала КГБ и деградации правоохранительной системы не было никакой возможности разобраться, кто есть кто, какие у него связи, с кем в одной камере сидел. Это уже потом оставалось только схватиться за голову, рвать на себе волосы или посыпать их пеплом, сожалея о сомнительных знакомствах. Ну а тогда главная, определяющая мысль была одна: обеспечить функционирование экономики. Худо ли бедно, но это удалось. Если же кто-то оказался прошлыми связями слегка запачкан, так это ничего – бог простит, а общественность об этом не узнает.

Да что говорить, в те годы никто из них не мог предположить, что совладелец компании, осуществлявшей бартерные сделки, и заодно хозяин фирмы, которой поручили охранять «Дворянское гнездо» – это не кто иной, как известный криминальный авторитет, из тех самых «братков», которые подмяли под себя чуть ли не весь частный бизнес в городе. Уже гораздо позже, когда всё это быльём поросло, Дубков не раз приставал к Петрушину с вопросом:

– Что же ты не доглядел? Как же позволил замараться?

И неизменно получал ответ от главного чекиста:

– А что я мог сделать? Спецслужбы словно нарочно развалили. Ну чтобы легче было нарушать закон. А из «ментовки» на все запросы о фигуранте отвечали, что чист, в противозаконных акциях не замечен.

На том разговор и завершился.

Да уж, в те годы много чего начудили. Теперь только остаётся оправдываться и краснеть, глядя в зеркало на собственное отражение. Ну что поделаешь – вовремя не разобрались, с кем дело приходится иметь. Так что, за это сразу ставить к стенке? Многие на этом компромате пытались заработать капитал. Кое-кому зубы обломали, только ведь рот всем не закроешь.

Вот и Аркадий с вопросами стал приставать. У Дубкова даже возникло подозрение, что всё это он неспроста.

– И не думай! Выкинь из головы!

– Да что вы, Василь Степаныч! Я только так, из праздного любопытства.

– Будто я тебя не знаю... – Дубков с явным недоверием посмотрел на зятя. – Честно тебе скажу, всё эта история не стоит выеденного яйца.

– А что же комиссия этой, как её... Танеевой?

– Тут всё просто. У них заказ: отстранить бывшего гэбэшника от власти, подрезать ему крылья, чтобы больше не взлетел. А всё остальное от лукавого.

– Но были же у него связи с местными «братками».

– Какие связи?! Что ты тут несёшь? Будто сам не знаешь, что в те годы любое доходное предприятие имело свою «крышу». А уж когда речь зашла о бартерных поставках, как можно обойтись без них?

– Так всё же было?

– Было, но совсем не так. Даже сейчас, когда у спецслужб огромные возможности, требуется немало времени, чтобы понять, кто на самом деле владеет фирмой. Ну а тогда... Неужто всё забыл? Продовольствие распределяли по талонам, и никого не волновало, кто приложил руку к тому, чтобы продукты появились на прилавках. Да как у тебя язык поворачивается нас в этом обвинять?

– Василь Степаныч! У меня и в мыслях не было!

– А тогда молчи и не суйся туда, куда не следует.

– Я ведь спросил только потому, что неизвестно ещё, как всё дальше сложится. Мне думается, что на крайний случай не помешало бы иметь в заглавнике какой-нибудь компромат. А то ведь никаких гарантий даже на ближайшее будущее...

– Ты, зятюшка, со мной дружи. Вот это тебе самая надёжная гарантия. Надежнее, чем счёт в швейцарском банке, – Дубкову эти расспросы стали уже надоедать, и он, как мог, старался вразумить Федюкина. – Пойми, садовая ты голова, что нет ничего надёжнее крепкой дружбы. Вот посмотри, скажем, на Жору Барчука. В начале 90-х всего-то замдиректора с нищенской зарплатой. Торговлей компьютерами подрабатывал – это ж смехота! Ну а сейчас – банкир, владелец фирмы, медиа-магнат, ворочает миллиардами. Я уж не говорю о том, что стал почётным консулом этого, как его... Тринидада и Тобаго. И всё благодаря той самой дружбе.

– Это с чего же ему так подфартило?

– А потому что знал, с кем стоило дружить. И не копил на друзей, так, на всякий случай, компромат.

– Опять вы, папаша, за своё!

– А потому что разные бывали люди. Некоторые думали, что всех хитрее. А посмотри, где они теперь? Как говорится, одних уж нет, а те где-нибудь в Испании пропивают остатки прежних капиталов, – Дубков развёл руками, словно бы говоря, что им уж не поможешь, и продолжал: – Самое главное, зятёк, запомни, что раньше карали за измену Родине, а теперь – за то, что не ценили дружбу.

Надо признать, весьма полезный, познавательный получился разговор. Однако если тесть решил, что смог переубедить, он явно ошибался. Единственная мысль, которая вертелась теперь в мозгу Федюкина – никак нельзя все гарантии класть в один мешок. Да, кровь из носа, надо подружиться с этим Барчуком. Эх, хорошо бы развернуться так, как он! А для больших дел тесть, увы, в дружбаны не годится – и староват, да и масштаб не тот. Кто знает, что может с ним случиться, человек-то пожилой...

Знал бы Федюкин, какие унижения пришлось Барчуку перенести в начале его долгого пути к успеху, не один бы раз призадумался. Одно дело протирать штаны на лекциях в торговом институте, и совсем другое – грызть, что называется, гранит науки, насилая мозги, что-то там изобретать, делать головоломные расчёты, а в результате через десять лет напряжённого труда получить всего лишь должность замдиректора академического института. О зарплате тут смешно даже рассуждать, поскольку все знают, где была в начале 90-х прежняя советская наука. Впрочем, не намного лучше обстоит дело и сейчас.

Как только появились первые торгово-закупочные кооперативы, Барчук засуетился – планов было громадье! Уговорил директора, и тот, скорчив для порядка недовольную рожу, согласился. В итоге на территории института возникло несколько фирмочек, нацеленных на внедрение результатов научных разработок. Но как всегда бывает, благие мысли привели вовсе не к тому, что намечалось изначально. По сути, вся деятельность Барчука и его команды свелась к перепродаже компьютеров – в те годы это был самый ходовой товар. Дело процветало, но вот однажды директор вызвал его на ковёр:

– Жора, мы с тобой не раз об этом говорили, однако толку никакого нет.

– Да в чём же дело? Что случилось, Морис Иваныч? – на лице Барчука обозначилось нечто похожее на улыбку невинного младенца.

– Где внедрение наших разработок? Где обещанное процветание? – требовал директор.

Барчук не сразу нашёлся, что ответить. Вынь ему да положь! А откуда взять?

– Морис Иваныч, я ничего такого вроде бы не обещал. По крайней мере, в ближайшей перспективе. Дело это непростое, требуется время, чтобы встать на ноги, а вот уже тогда...

– Ты мне мозги не пудри! Вы на компьютерах уже прилично зарабатываете. А институту – шиш?

– Так ведь должен быть у моих ребят какой-то интерес, как же иначе? Думаете, они в восторге от того, что приходится стоять у прилавка вместо того, чтобы двигать вперёд российскую науку?

Однако Морис Иванович настаивал на своём:

– Их главный интерес должен быть в том, чтобы поддержать в лихую годину родной свой институт, а вместе с ним и ту самую науку.

Барчук снова задумался. Директор, конечно, в чём-то прав, но правда такова, что при желании её всегда можно повернуть так, как это выгодно. Вот и теперь пришлось умерить пыл несговорчивого старика:

– По правде говоря, Морис Иваныч, я не уверен, что ваша наука кому-нибудь ещё нужна. В рот её не засунешь, а ведь людям кушать хочется.

– Вот ты как заговорил! – стукнув кулаком по столу, закричал директор.

– Да, именно так! Я вам давно хотел сказать, что вы со своими идеями безнадежно и необратимо устарели...

Морис Иванович только теперь понял, какую гниду он пригрел на своей груди. Человек, преданный науке, никогда таких обидных слов директору прославленного института не сказал бы. А этот...

– Ну, в общем так! – Морис Иванович встал из-за стола. – Я частную лавочку на территории института впредь не потерплю. Пшёл вон! – и указал на дверь.

На следующий день Морис Иванович собрался было записаться членом в партию, в которой отродясь не состоял и даже не разделял, по правде говоря, взгляды её руководства на то, как следует управлять народом. Но тут уж до того довели, что сил никаких нет дальше всё терпеть, надо действовать. Однако пройдясь по коридорам местного отделения КПРФ, послушав разговоры, решил немного подождать. Ему, человеку от науки, всегда были неприятны люди, мыслившие лозунгами. А здесь, куда ни глянь, стены увешаны транспарантами и плакатами, а на слуху только примитивный агитпроп. Толку-то от этого...

Увы, мало сказать, что состояние академической науки вызывало опасения. Ещё несколько лет такой разрухи, и Морис Иванович мог остаться руководителем крохотного коллектива в составе секретаря-референта, пожилой библиотечарши и председателя профкома. Уборщицы и те давно уж разбежались, а стоило заглянуть в туалет, так там и вовсе возникало ощущение полнейшей безнадёги. Примерно то же творилось и в отраслевых НИИ. Ну а кому нужны все эти интеллектуальные изыски, если внедрять их некому и негде? Даже ему приходилось сдавать в аренду кое-какие помещения, чтобы оплатить хотя бы счета за коммунальные услуги, а в некоторых НИИ, где приходилось иногда бывать, на каждом этаже располагалось по десятку контор, никак не связанных с наукой. Что тут говорить, полный развал и не малейшей перспективы! А выйдешь на улицу, посмотришь по сторонам – жизнь кипит, все что-то продают и покупают, на улицах и площадях просто столпотворение лавчонок. И никому не приходит в голову, что через несколько лет когда-то мощная держава может превратиться в один огромный торгово-посреднический кооператив. Ужасно, если так!

А вот Федюкина подобные тонкости совсем не волновали. Научные открытия и технический прогресс – всё это было ни к чему. Ему бы разобраться в том, как Барчуку удалось сделать столь невероятную, просто уникальную карьеру. И вот что удалось узнать у сведущих людей.

Покончив с прежними увлечениями, Барчук открыл свой ресторан. Понятно, что без начального капитала, составленного на продаже компьютеров, японских телевизоров и прочих заграничных причиндалов, о ресторанном бизнесе нечего было в те годы и мечтать. Дело открыли в складчину, взяв в долю и германских рестораторов. Только со временем Барчук понял, как он угадал. Да именно так! Займись, скажем, итальянской пиццей или японскими деликатесами, так бы и остался заурядным владельцем сети общепита. А тут оказалось, что постоянным посетителем его ресторана стал некий влиятельный человек из мэрии, не далее, как пару лет назад вернувшийся из длительной командировки в ту самую Германию. Приличное пиво прямиком из Мюнхена, оттуда же сосиски, солёные орешки – всё это возбуждало в нём приятные воспоминания о жизни за границей и располагало к душевному общению, когда можно человека брать, что называется, голыми руками. Тогда-то, во время очередных посиделок в компании с его всегдашним спутником Дубковым и несколькими приятелями по прежней службе, возникла эта мысль – создать некое подобие дворянского гнезда. Не всё же обсуждать дела за пивом в ресторане, на виду у всех. Нет, надо подобрать уединённое местечко в тихой местности, построить там посёлок, всё на современном уровне по европейским образцам, но только не для всех – для избранных. Барчук со своей стороны горячо идею поддержал, да и его коллеги по бизнесу, само собой, не возражали.

Дачные дела худо-бедно завертелись, однако человека из мэрии заботили куда более важные проблемы. Чтобы поднять из руин экономику родного города, требовались не только финансовые средства, но и место, где их аккумулировать до поры до времени, то есть финансовое учреждение, через которое можно проводить торговые сделки, дотации предприятиям, выплату зарплаты и прочее, и прочее. Нашёлся подходящий банк, но, как и всё городское хозяйство, он дышал на ладан. Когда потребовалось передать банк в надёжные руки, лучшей кандидатуры, чем Барчук, у руководителей мэрии не возникло. Любитель немецких сосисок так ему сказал:

– Давай, Жора! Вся надежда только на тебя, иначе хана будет нашему городу.

– Не сомневайся, я не подведу.

Да как тут можно сомневаться? Свой в доску, к тому же светлая голова, аналитический ум – кому ещё можно поручить столь важную работу? С этого крохотного банка всё и началось. И вот теперь в руках у Барчука огромная империя!

Глава 4. Перспективы роста

Увы, все попытки Федюкина завязать отношения с Барчуком не дали результата. Даже когда Федюкина назначили главным городским налоговиком взамен ушедшего на повышение Дубкова, ему никак не удавалось сделать что-нибудь приятное для Барчука, оказать некую полезную услугу. К тому времени покровитель Барчука благополучно перебрался в Москву, на самый высший уровень, где и решались все более или менее серьёзные вопросы. А что мог сделать такого уж уникального Федюкин? Ну предложить некую схему, как минимизировать налоги, предоставить необоснованные льготы, но это были только мелочи. Барчук всё через московский офис пробивал, ну а Федюкин вертелся где-то на задворках.

Нельзя сказать, чтобы городские «жирные коты» услугами Федюкина пренебрегали. Да вовсе нет! Как-то раз на стол следователю городской прокуратуры Егору Тимофеевичу Викулову положили расшифровку телефонного разговора – два криминальных авторитета обсуждали свои текущие дела. Вроде бы ничего особенного, если бы не упоминание некоего неустановленного лица из налогового ведомства:

– Михалыч, в общем, я встречался с ним сегодня.

– И что?

– В принципе, положительно, конечно. Что хочу тебе сказать – он просто офигительный! С ним можно решать любые вопросы, браться за любые темы, к которым мы не могли подступиться даже.

– Ты уверен?

– На все сто! Его срочно нужно привлекать. Понимаешь? Это человек, с которым можно договариваться.

– Ключевая фигура к тому же по налоговым делам.

– Вот именно. Ну просто кайф!

– Да уж, подфартило! Надо бы нам с ним перетереть всё это.

– Замётано! Я сообщу попозже.

Новых записей получить не удалось – то ли канал связи их клиенты изменили, то ли вовсе засекретились. В итоге следствие так и осталось в неведении относительно личности того самого лица. А вскоре навалились новые дела, и про тот разговор окончательно забыли. Все, только не Викулов – ту запись он на всякий случай сохранил в своём архиве.

В те времена вошёл в моду такой «прогрессивный» метод поглощения доходных предприятий, как рейдерский захват. Чуть ли не каждый день к налоговикам обращались с предложением внести изменения в государственный реестр юридических лиц, а уж остальное было делом техники. С помощью сотрудников ЧОПа, а то даже и с привлечением ОМОНа, врывались на предприятие, врвались в директорский кабинет и предъявляли ошарашенным работникам завода или фабрики документы, подтверждающие права нового собственника. При необходимости можно было организовать и постановление прокуратуры, и решение суда. Ну в общем, было на чём покладистым чиновникам нарастить свой капитал или хотя бы приобрести подержанную иномарку.

Само собой разумеется, не каждому можно в столь прибыльном деле доверять. Решение таких задач поручалось только исключительно надёжным людям. Три межрайонные налоговые инспекции, точнее их облечённые полномочиями инспектора, вполне справлялись с поступающими заказами. А остальным приходилось изыскивать другие способы пополнения семейного бюджета.

Увы, со временем этот бизнес стал привлекать к себе излишнее внимание. У пострадавших тоже находились связи, да и контролирующие органы уже крепче стояли на ногах. Знакомые из УБОПа сообщали о возрастающем интересе их начальства к налоговым делам. Вот

тогда и возникла у Федюкина мысль поменять своё нынешнее кресло на более престижное и безопасное, желательно в Москве, поближе к тестю.

Дубков поначалу отнекивался, ссылаясь на то, что не такое уж у него влияние, чтобы зять так запросто перетащить в столицу, если он на государственных хлебах всего-то без году неделю. Да и перед товарищами из Кремля как-то неудобно – там хоть и смотрели сквозь пальцы на семейственность в правительстве, но только в том конкретном случае, когда она вполне оправдывала себя, не противоречила интересам государства.

– Василь Степаныч, я оправдаю! И противоречить вам не собираюсь.

– Эх, Коша, дело вовсе не в тебе. То есть и в тебе, конечно. Но вот вопрос: куда же мне тебя пристроить?

Кошей Федюкина стали называть ещё в торговом институте. Уж очень он был похож на огромного кота, толстого и неповоротливого. Немного заработав денег, Аркаша покупал себе еду и всё чего-нибудь жевал – на лекциях, по дороге в общежитие, даже в кино. Однако на прозвище он не обижался, поэтому его так и продолжали называть уже гораздо позже, само собой, в неслужебной обстановке.

– Да я на всё готов, – согласился Коша. – Лишь бы быть поближе к вам. Да и Тамара соскучилась по папе.

– Что ж, это немаловажный аргумент, – улыбнулся тесть. – Только опять же – куда тебя определить? На сельское хозяйство не поставишь. Дипломат из тебя хреновый с таким образованием. В Минпромторг не сунешь – ты же не технарь, хоть и в моторах когда-то разбирался...

– Даже и не знаю. Вам решать.

– Слушай, а возьму-ка я тебя к себе. Дело знакомое, на нынешней должности ты себя отменно проявил, а у нас ценят молодые кадры. Ты как на это смотришь?

– Я только за! – радостно вскричал Федюкин.

– Ну вот, для начала в кресле зама посидишь, но думаю, что это ненадолго. Есть мнение меня на другую работу перекинуть. Тогда, если сможешь себя показать, я так и быть – слово замолвлю «наверху». Свято место, оно, как известно, пусто не бывает.

– Василь Степаныч! Что бы я без вас? Так бы и торговал стульями да табуретками до самой смерти.

– Ты жену не обижай, и всё будет в ажуре.

Тогда славно получилось: из городских налоговиков – в кресло замминистра, потом исполняющим обязанности взамен ушедшего на повышение Дубкова, а вскоре совсем остепенился Аркадий Евграфович Федюкин. Как глянет на себя в зеркало – ну вылитый министр!

Взялся за дело он ретиво, поскольку всё в этой сфере хорошо знакомо, вот только руки раньше были связаны. В общем, эффективность налоговых сборов стала потихоньку возрастать. А тут подвернулся и вовсе уникальный шанс. Тесть при встрече ему так и сказал:

– Аркаша! Есть возможность сделать доброе дело. Причём не просто так, не за прибавку к зарплате или за орден к юбилею. Тут можно кое-что существеннее выиграть, войти, как говорят, в круг особо приближённых. Это, конечно, если справишься.

– Я готов! – Федюкин даже зарделся от волнения.

– Ты погоди, очень уж риск большой, можешь споткнуться ненароком.

– Кто не рискует, тот шампанского не пьёт, – процитировал Федюкин, сглотнув слюну.

– Ну, я-то предпочитаю водку, а ты сам смотри. В общем, излагаю...

Василий Степанович сперва пересказал Федюкину факты хорошо известные – и про арест олигарха, и про события, которые этому предшествовали.

– Да, видимо, зарвался.

– Ну вот и ты намотай себе на ус.

– Я учту, – сказал Федюкин, не особенно вдумываясь в произносимые слова, поскольку заботило его сейчас совсем другое: – Василь Степаныч, но чем же я смог бы поспособствовать вам в этом деле?

– Вот! Это главный вопрос! Тут-то и начинается самое интересное, – Дубков для порядка выдержал паузу и продолжал: – Видишь ли, Аркаша, желание прищучить этого проходимца есть. Он и в самом деле перед народом виноват. Где это видано, чтобы честный человек за несколько лет стал миллиардером?

– Полностью согласен. Это абсолютный беспредел!

– Ну, беспредел, не беспредел, но доказательной базы кот наплакал.

– Так не бывает!

– В том-то и проблема. Если со стороны на это дело посмотреть, то вроде бы всё было по закону.

– Да уж, законы у нас не ахти. Сплошь дыры да лазейки, – Федюкин согласно закивал, но без особой грусти в голосе.

– Дай время, законы мы подправим. Но как же этого гада засадить?

– Тут только одна зацепка – неправильно платил налоги.

– Вот-вот, и я об этом, – обрадовался Дубков, с надеждой глядя на догадливого зятя.

Федюкин тем временем напряжённо размышлял. Это же экспроприация экспроприаторов в чистом виде! Дело, несомненно, перспективное – не в юридическом смысле, конечно, а в том, как может повлиять на его судьбу. Но как?! То есть где найти требуемые аргументы?

– Я понял, Василь Степаныч. Сей же момент всё брошу и займусь только этим делом.

– И не тяни! – напутствовал его тесть.

Уже к утру в голове Федюкина кое-что сложилось. Идея, в общем-то, была проста: законов олигарх вроде бы не нарушал, однако замысел надуть налоговые органы присутствовал. Вот это и надо было доказать.

Приехав на службу, Аркадий Евграфович собрал всех заместителей. Приказал поставить на уши весь аппарат, срочно разослать депешки налоговикам в самые отдалённые уголки державы. Тут же из лучших сотрудников сформировали аналитическую группу, поставив во главе её начальника правового департамента – ему и отвечать перед заказчиком, если не получится. А для поднятия духа всем пообещал солидную премию и повышение оклада. Ну и машина заработала.

Если честно, так и с той, противной, стороны предлагали очень привлекательные варианты. Им позарез нужна была налоговая отсрочка. Как можно налоги заплатить, если он добился ареста всех счетов? Однако Федюкин был неумолим. К своей цели он шёл, как танк, не останавливаясь на пути. И только уже гораздо позже, припоминая, сколько обещали за содействие, он начинал сомневаться: правильно ли поступил, на того ли жеребца поставил. Что-то подсказывало, что был прав, ну а виртуальные потери можно вполне реально отыграть, когда появятся более солидные возможности.

К тому времени, когда подошёл срок формулировать обвинение, на столе у следователей лежало несколько десятков томов, содержащих налоговые декларации, учредительные документы фирм-однодневок и прочее, и прочее. Следователям оставалось во всё это вникнуть, отделить зёрна от плевел и оформить, как положено. Но сроки поджимали, «наверху» этой задержкой были крайне недовольны, и, как всегда в подобных случаях, в деле осталось немало нестыковок. Уже после того, как был вынесен приговор, Федюкин поинтересовался, что там насочинял судья, и пожалел, что ввязался в это дело. Будь он на месте прокурора, всё выглядело бы гораздо убедительнее, а тут... В итоге самая суть оказалась погребена под завалами несущественных подробностей. Хотя, возможно, на это и сделали расчёт.

Но были в этом деле и приятные мотивы. Тесть выполнил обещание, и постепенно Федюкина стали допускать в узкий круг – речь об особо доверенных лицах из «Дворянского гнезда».

Теперь надо выждать время, когда закончатся все эти кассации и апелляции, и можно будет заявить о своих претензиях. Не зря же он старался, в самом деле!

Всё бы ничего, можно было ещё немного подождать, однако в тех самых, когда-то подконтрольных ему несколько лет назад, полукриминальных налоговых инспекциях вдруг начались обыски. И Федюкин понял: если и дальше будут там копать, смогут чего доброго выйти на него – кто ж поверит, что главный городской налоговый был не при делах, допустил, чтобы под носом у него творилось беззаконие? Хоть он теперь и министр, хоть и сидит в Москве, однако всё равно в ответе. Нет, надо было срочно поменять сферу деятельности, чтобы даже запаха его в налоговой службе не осталось. С тем и обратился к тестю:

– Папаша! Вам не кажется, что я тут засиделся?

– Ты что это вдруг? – встрепенулся озадаченный Дубков.

– Так ведь работа налажена, налоговые сборы изо дня в день растут. Похоже, мне тут больше делать нечего.

– Как это нечего? Тебя партия, тебя народ поставил! Что приказали, то и должен выполнять.

– Да разве я отказываюсь, Василь Степаныч? Только ведь масштаб не тот, мне тут вернуться негде. К тому же, олигарх уже получил своё, а вы мне за это обещали...

Василию Степановичу, ох, как не хотелось, чтобы зять очень уж высоко взлетел. Сейчас он под контролем, а что будет, если получит более значительную должность? Есть подозрение, что закусит удила, а тогда может наступить конец семейному благополучию. Этих выскочек из провинциального небытия он прекрасно понимал, ведь сам же из таких. Только ведь Дубков получил закалку ещё в прежние времена, был воспитан, как принято говорить, на верности идеалам добра и справедливости. А этот что? Да за таким нужен глаз да глаз, иначе сам по уши потом увязнешь. Однако что поделаешь, обещание надо выполнять.

– Так чего ты хочешь?

Федюкин сделал вид, что глубоко задумался. В таком серьёзном разговоре нужна пауза, иначе тесть решит, что он всё загодя продумал, всё решил, а от самого тестя всего-то и требуется кивнуть головой и принять это к исполнению. Вот потому-то и молчал. И только после небольшой паузы словно бы нехотя, смущенно глядя в пол, сказал:

– Вообще-то все мы когда-то проходили службу в армии. Я ведь как-никак офицер запаса...

Теперь пришла пора задуматься Дубкову: «В Минобороны метит! Да уж, у зятя, само собой, губа не дура. Вон как загнул! Там одних только генеральских звёзд на погонах будет с тыщу, а этот, недавний лейтенант, только на днях его сделали полковником... Этот что же, он будет ими управлять?»

С другой стороны, в Кремле уже давно зреет недовольство. Много дармоедов в нашей армии, да и жулья изрядно расплодилось ещё с тех пор, как расформировали Западную группу войск. К тому же там, в Европе, штатский во главе военного министерства никого не удивляет. В пользу кандидатуры зятя есть ещё один ценный аргумент – юрфак закончил и в финансах разбирается. Это тебе не всю жизнь сидеть в окопах и по плацу маршировать. Что ж, мысль интересная, но прежде чем там, «наверху» её озвучить, надо бы мнение как-то подготовить. Ну скажем так: генералы и впрямь проворовались, то-то склады с боеприпасами, что ни день, у них взрываются, горят, а вот с чего? А всё, оказывается, потому, что недостачу у себя скрывают – разве найдётся такой настырный дознаватель, что станет подсчитывать осколки, чтобы определить, сколько снарядов взорвалось, а сколько успели распродать по сходным ценам?

Понятно, что зять на это место по многим параметрам подходит – энергии ему не занимать, голос командирский, зычный. Если потребуется, он и маршала, и генерала может далеко послать... И всё же как-то неожиданно всё это, да и дела подобные не делаются за один час. Немного поразмыслив, зятю сказал так:

– Ты, Коша, потерпи чуток. Я этот вопрос провентилирую, переговорю с кем надо. Города не скоро строятся, а такие должности не просто достаются.

– Я подожду, Василь Степаныч, – пробормотал Федюкин.

И сколько ещё ждать? Мысленно он уже представлял себя сидящим у окна с видом на Бородинские ворота, однако так и быть, время ещё немного терпит. Эх, поскорее бы в новое кресло пересесть, там его никакой дознаватель не достанет. А всё потому что за ним вся армия!

Конечно, если бы только Дубков замолвил словечко за любимого зятя, вряд ли бы что-то удалось. Однако и сам Федюкин не терял времени даром. Ещё когда командовал налоговой службой, старался войти в положение соседей тестя по «Дворянскому гнезду». У них ведь как – если глава семейства честно отработывал свой хлеб на государственной службе, то бизнесом занималась его жена, да и повзрослевшие детки со временем к этому делу подключались. И всем им требовался либо дружеский совет, либо реальная помощь с тем, что убережёт семейный бюджет от излишнего внимания контролирующих органов и прессы, которой дай только повод, так они могут сочинить целый криминальный роман на заданную тему.

Именно тогда он познакомился и с Барчуком. Дружьями так и не стали, но Федюкин во время редких встреч с новоявленным олигархом почувствовал в его глазах некий интерес, словно бы тот к нему присматривался, рассчитывая через какое-то время перевести Федюкина в свой ближайший кадровый резерв. Барчук и в самом деле прикидывал, как можно будет в будущем использовать этого дубковского зятя. Ну разумеется, ему не интересны были интеллектуальные способности Аркаши, скорее наоборот – это был тот самый случай, когда ум подменяется жадностью, и только она становится ведущим стимулом, вытесняя из головы все прочие мотивы – и любовь к отечеству, и жажду справедливости, и совесть. Да, по большому счёту, и сам Барчук в этом плане мало чем отличался от Федюкина. Но тут был один весьма существенный момент – Барчук никогда не давал воли своей алчности. И только проанализировав все обстоятельства дела, взвесив возможные последствия, он принимал решение – брать или не брать. Такой аналитический, кое в чём даже математический подход позволил ему до сих пор не зарываться.

Глава 5. Инициатива не наказуема

Федюкин пригодился уже позже, когда Барчук счёл возможным поспособствовать его воцарению в кресле военного министра. Тогда-то и пришла пора для совместных дел, однако зарабатывать на поставках для армии, скажем, продовольствия и нижнего белья у Барчука не было ни малейшего желания. Он так и сказал в приватном разговоре:

– Ты хоть собачьими консервами своих солдатиков корми, меня это не интересует. Это не мой масштаб! Вот если бы выйти на международный рынок...

Федюкин сразу не врубился:

– Это вы про датские сосиски?

– Да нет, не то, – Барчук криво усмехнулся, даже появилось сомнение, прав ли был, когда протаскивал этого долдона на выгодную должность. – Видишь ли, в Европе есть деликатесы повкуснее. У них ведь немалые успехи в создании военной техники.

– Но как же так? – удивился такому откровению Федюкин. – Это же наши потенциальные противники! Не можем мы покупать их оборудование, мало ли что они подсунут.

«Соображает! – мысленно огорчился Барчук. – Только совсем некстати. Всё-то ему надо объяснять! Когда требуется ум, он включает жадность, а после – совсем наоборот». Пришлось растолковать доходчивее, как для несмышлёного ребёнка:

– Ты что же, собираешься с ними воевать?

– Да нет! – Федюкин от такой возможности даже привскочил на месте, ему это было явно ни к чему, он даже слышать об этом не хотел, а потому перевёл разговор на понятные ему детали. – Ведь эти их бронетранспортёры, по большей части, не подходят для климата России. Ну что, президентскую дачу в Сочи с их помощью будем охранять?

Барчук такой возможности не отрицал, но вёл разговор совсем к другому:

– Пойми, Аркадий, технические причиндалы меня совершенно не волнуют. Да при желании можно любой контракт обосновать. А вот использовать поставленные из Европы изделия или не использовать – это полностью от тебя зависит.

Федюкин, наконец, сообразил. То есть сообразил не всё, а только то, что с крупных контрактов и он может поиметь кое-что, если получится. Догадывался он, что у Барчука в этом деле свой немалый интерес – видимо, часть его капиталов крутилась где-то там, на Западе. Уразумел и то, что расспрашивать об этом без толку. «Да понимаю, не дурак!»

А между тем, Барчук выложил на стол бумаги:

– Вот тебе список. Выбери то, что можно наверняка обосновать. Ну а условия потом обсудим.

Федюкин глянул перечень изделий, которые ему предстояло пропихнуть. Чего тут только не было! Слава Всевышнему, бюджет его ведомства с каждым годом раздувался, а российские заводы с той же регулярностью срывали госзаказ. Так что нетрудно будет обосновать даже покупку броневиков, предназначенных для передвижения в условиях Сахары, и французских вертолётов, которые годились разве что для охоты на козлов из Красной книги. Единственное, что могло беспокоить – это противодействие генералов, которых в армии слишком много развелось. Впрочем, самые строптивые под сокращение попали, а прочие пока что поутихли, не высывались, поскольку и для них на первом месте всё-таки семья.

Прошло несколько месяцев, и дело стало приобретать реальные очертания, ну а затем он вошёл во вкус. Федюкин полюбил все эти заграничные штучки ещё с тех пор, когда после «москвича» впервые сел за руль подержанного «мерседеса». Это же небо и земля! Знают же капиталисты, чем ублажить своего клиента. У них даже место водителя лёгкого танка не многим уступало комфорту в том самом «мерседесе». Вот так и надо заботиться о своих солдатах! А что у нас? Да в нашей робе стыдно не только за рулём сидеть, но и обслуживать боевую

технику. Тогда-то он и озаботился новой формой для солдат – чтобы всё было по последней европейской моде, на уровне лучших образцов, а то и лучше этого. Жаль, что не удалось договориться с признанными кутюрье, вот ведь жадюги – хотели ободрать его до липки. Однако Федюкина не проведёшь! И в нашем российском захолустье есть умельцы, способные разработать чудо-форму. Сказано – сделано! И самое удивительное, что поначалу всем понравилось. Это уже потом, когда пошили в массовом масштабе, выяснилось: совсем не то, что ожидали.

Однако даже относительные неудачи не смущали. Тем более, что всё решают кадры, а в этом деле Федюкин совершил подлинную революцию. Бывали случаи, когда военные министры надевали юбки, но это же у них, на Западе. Да там вообще не разберёшь, кто баба, а кто только зовётся мужиком. После того, как донесли, что прежний генералитет говорит о его назначении на пост – тут и «плевок в лицо», и «унижение для армии» – Федюкин сделал более чем радикальные выводы из этого. Чем наши российские бабы хуже тамошних? Да вот ничем! То есть как раз наоборот! А потому вскоре на должности, не связанные с боевой подготовкой и эксплуатацией военной техники, он назначил верных своих подруг из налогового ведомства. Генералы роптали, ну а подруги занимались своим делом, поскольку изрядно поднаторели в финансовых вопросах. Для тех министерских «золотопогонников», кто был не в состоянии себя сдерживать, уже заготовлен был приказ: «Снять с должности – и в войска!»

Тогда же для пополнения кадров был учреждён кадетский пансион при министерстве. Редкой его особенностью было то, что принимали исключительно девиц. Причём наряду с сиротами, дочерями погибших в «горячих точках» офицеров, каким-то образом здесь оказались и дети вполне благополучных генералов и гражданских лиц. Что, в общем-то, совсем не удивительно – за основу при создании кадетских пансионов было взято устройство характерных для Европы закрытых школ для наследников высокопоставленных персон и местной знати. Так что теперь нет никакой необходимости отправлять любимых дочерей куда-нибудь в Англию или Швейцарию – вполне можно устроить и поближе. Ещё одним привлекательным моментом учёбы в этом корпусе стала возможность обрести со временем тёплое местечко в военном министерстве. В конце концов, если ставка на «генералов в юбке» уже успела себя оправдать, почему бы и в дальнейшем этой методой не воспользоваться? Такое предпочтение, основанное на половых признаках, можно было объяснить и возрождением традиций – вроде бы ещё у Керенского был свой женский батальон. Вот и теперь даже в воздушно-десантных училищах стали создавать девчачьи роты.

Вполне очевидное преимущество должности министра заключалось в том, что, по сути, он сам себе хозяин. Конечно, периодически отчитывался, демонстрировал достижения и на учениях, и на парадах. Тут главное было – показать товар лицом! Правда, случались и трудные моменты. Скажем, во время конфликта в Закавказье Федюкин чуть не вляпался. Всю ночь грузинская артиллерия колошматила по нашей пограничной заставе, затем заняли Цхинвал, а когда потребовалось дать приказ войскам на выдвижение к месту боевых действий, выяснилось, что с министром связь потеряна, вроде бы отправился куда-то на охоту. Не исключено, что на французском вертолете вылетел на отстрел тех самых козлов из Красной книги.

На самом деле Федюкин оказался просто не готов к принятию серьёзного решения. Это и понятно, поскольку успел закончить всего лишь курсы лейтенантов, да и на посту военного министра находился всего-то ничего. Ну мог ли он взять на себя ответственность, когда речь идёт о жизнях тысяч беззащитных людей. Это же вам не какая-нибудь комбинация с финансами. Короче, сплеховал! И если бы его не нашли на исходе дня, яркая карьера могла бы закончиться сразу же по возвращении в Москву. Слава богу, трёх суток оказалось достаточно, чтобы показать, кто в Закавказье правит балом.

Глава 6. Аппетит во время еды

Примерно через три года после нового назначения Федюкина на стол следователю по особо важным делам Егору Викулову – к тому времени его уже взяли на повышение в Следственный комитет, в Москву – легла копия записи телефонного разговора, перехваченного испанской криминальной полицией. Ещё за несколько лет до этого у них возникли подозрения, что некий российский олигарх, увековечивший своё имя скупкой золотых яиц, причастен к отмыванию денег с помощью уголовных авторитетов, нашедших пристанище в Испании. С тех пор и прослушивали всех, кто приехал из России. И вот такой российско-испанский уголовник беседовал с сыном, который занимался делами своего отца в Москве. Беседовали о том, о сём, но среди прочего там были и такие странные слова:

- Ну, я поговорил с ним.
- Он что, в Марбелье?
- Да нет, прилетал на пару дней в Париж. У меня на квартире встретились.
- И что?
- Он в принципе согласен.
- А это не может быть подставой?
- Исключено! Мы с ним сработались ещё в те времена, когда он служил в налоговой.
- Тогда понятно.
- Только ты сам должен всё ему объяснить и предложить свой вариант оплаты.
- К нему без подарка, видимо, не сунешься?
- Купи ему бутылку хорошего коньяка. Для начала, думаю, достаточно.
- А что там с его должностью?
- Он говорит, что это всё надолго.

Интерес испанских криминалистов именно к этому разговору был вызван тем, что, согласно полученным от агентуры сведениям, готовилась крупная сделка по продаже российских танков некоему посреднику с последующей поставкой их в обход эмбарго, наложенного ООН, через Испанию в какую-то африканскую страну. Однако вывод коллег с Пиренеев о возможной причастности к этому делу кого-то из заместителей военного министра – этот вывод явно построен на песке. Танки могли продать прямо с конвейера завода – Викулова этот факт не удивил бы. Правда, тут было ещё одно обстоятельство – смущало упоминание налоговой службы в разговоре. Впрочем, и это ничего ещё не значило. Да мало ли кто из бывших налоговиков мог летать в Париж!

Тут надо бы иметь в виду, что интересоваться связями высших должностных лиц можно было только после отмашки, данной из Кремля. Иногда запрет удавалось обходить, если номенклатурные товарищи как бы сами собой всплывали по другим делам, для возбуждения которых достаточно было санкции главы Следственного комитета. Но даже в этом случае упоминание их фамилий в деле категорически не допускалось. Ну разве что фигурировало там некое «неустановленное лицо». Это и была, по сути, единственная лазейка – пока лицо не установлено, скажем, известно только прозвище и не более того, можно было фиксировать его связи, но исключительно с фигурантами расследуемого дела. Ну а потом... Что будет потом, зависело не только от качества собранного материала, но и от решения начальства.

К этому времени техника идентификации голосов уже достигла вполне приемлемого уровня, поэтому нетрудно было сравнить два голоса: с записи, сделанной испанцами, и с той, которая хранилась у Викулова и где беседовали двое уголовников. Теперь можно почти со стопроцентной уверенностью утверждать, что один из участников этого разговора и тот, кто за несколько лет до этого намеревался установить контакт с кем-то из налоговой, – это один и тот

же человек. Его фамилия известна, а вот о ком шла речь теперь, да и тогда, об этом можно лишь гадать.

Впрочем, у Викулова возникло одно предположение, однако он гнал его от себя, поскольку оно не имело ни малейшей перспективы. Логика подсказывала, что в обоих случаях упоминалось некое лицо, притом достаточно влиятельное. Только такой человек мог курировать поставки боевой техники. Это же вам не патронами со склада торговать – здесь тяжеленные танки, в карман их не положишь. Кто бы это мог быть? В структурах, связанных с военным ведомством, в последнее время появилось немало должностных лиц, прежде обитавших в налоговой службе. Только вот незадача – всё это были женщины, а в разговоре упоминался именно мужик. Вряд ли они так засекретились, что на солидного мужчину пришлось словно бы напялить юбку? Тогда бы и место прежней работы не стоило упоминать.

После того, как покопался в Интернете, ещё кое-что нашёл. А дело в том, что накануне подслушанного испанцами разговора только один человек из военного руководства летал в Париж, пытаясь договориться о разработке новой формы для российской армии. Что весьма существенно, вместе с ним, помимо секретаря и переводчика, побывала в Париже некая мадам, ведавшая в то время финансовыми и юридическими вопросами, связанными с имуществом военного министерства. Поскольку она требуемым критериям не соответствовала, подозрения падали на её патрона. Однако связь высокого должностного лица с криминалитетом – это уже кое-что! Если, конечно, испанцы не напутали. Так что предварительный вывод был таков – это не кто иной, как Аркадий Евграфович Федюкин. А потому что, как нарочно, всё сошлось на нём.

Особой радости Викулов от этого «открытия» не испытал. Кругом полным полно проходимцев, только успевай дела раскручивать. А с этим и вовсе хлопот не оберёшься, если доложить свои соображения начальству. Долго думал, но всё-таки нашёл подходящий вариант.

Ещё во время учёбы на юрфаке был у него друг. Вместе время проводили, даже чуть было не женились на двойняшках – тогда бы уж точно стали не разлей вода. Однако Валентина оставили в Москве, определив в военную контрразведку, а Викулов был отправлен для работы в другой город, и после этого они друг друга как бы из виду потеряли. Ни адреса, ни номера телефона Викулов не знал, однако было у них несколько общих знакомых, однокурсников, к ним он и обратился, рассчитывая с их помощью Валентина отыскать.

В итоге всё получилось, как задумал. И вот теперь они должны были встретиться, причём Егор назначил встречу близ парка Горького, в Нескучном саду. То есть адрес он по телефону не назвал, просто намекнул, что хорошо бы встретиться там, где познакомились с теми самыми двойняшками. Валентин всё понял, только недовольно пробурчал: «Вечно ты, Егор, что-то нестандартное придумашь». Однако правила конспирации и ему знакомы отнюдь не понаслышке.

После объятий и неперенных «да что?», «да как?» приятели по предложению Егора направились в аллею, где достаточно безлюдно – соглядатаев можно без труда заметить. Конечно, Егор очень рисковал. Мало ли что могло произойти с его приятелем за эти годы. Но очень не хотелось допускать самое худшее, не верилось, что Валентин стал стукачом. Ну хотя бы в память прежней дружбы. Когда же выложил все факты без утайки, реакция приятеля оказалась такова, что впору было усомниться в его психическом здоровье – он чуть ли не плясал.

Вскоре всё разъяснилось:

– Да ты знаешь, что мы уже год копаем под этого Федюкина! И всё без особого успеха. Ну никак до этой курвы не добратся!

– Вам-то он зачем?

– Да он так напакостил всем генералам, им только волю дай, они бы живьём этого гада закопали.

– Вы же по другому ведомству.

– А цеховая солидарность? А где гарантия, что его не перебросят к нам? Тогда уж точно будет полный абзац! Представляешь, вся наша контрразведка – только бабы! – Валентин заразительно захохотал.

– Я вижу, ты совсем не изменился.

– Ну если что, то я всегда готов, хотя уже успел остепениться, – затем внимательно взглянул на Егора, и сказал уже совсем серьёзно: – Так что, поработаем вместе?

– Я бы не возражал.

Егор, конечно, надеялся на помощь старого товарища, однако на такую удачу уж точно не рассчитывал. Тут же прикинули план совместных действий, что-то вроде распределения обязанностей. Контрразведка будет заниматься связями Федюкина и организует «прослушку» под видом поиска врагов в ближайшем окружении министра, включая должностных лиц различных фирм, так или иначе связанных с военным ведомством. Викулов же тем временем попытается найти криминал в прошлой деятельности фигуранта, когда тот ещё был налоговиком. Однако у обоих «заговорщиков» возникло ощущение, что этого явно недостаточно, поскольку ни контрразведке, ни тем более Викулову в финансовых документах военного ведомства не позволено копаться. А ведь именно там, вне всякого сомнения, можно было обнаружить те факты, которые послужили бы основой обвинения. Это вам не подслушанный разговор, который далеко не всегда удаётся приспособить к делу. Совсем другое дело – официальные бумаги, причём со всеми подписями, реквизитами юридических лиц и круглыми печатями. Тут для толковых аналитиков – раздолье. Можно такое накопать!

Короче, нужен был ещё один элемент в этой следственной триаде. И тут Викулов сказал:

– А ведь председатель Счётной палаты тоже вроде бы генерал...

– Отличная идея! – воскликнул Валентин. – Я думаю, моё начальство с Черкашиным договорится.

На том и порешили. А в завершение разговора присвоили Федюкину кодовое имя – «Граф». Так, на всякий случай, чтобы не привлекать к этому делу излишнее внимание и в документах, и во время разговоров. Они тогда и не догадывались, что Счётная палата уже занимается этим делом.

Результаты первой проверки деятельности ведомства Федюкина были таковы, что Черкашин счёл необходимым срочно доложить об этом временно исполняющему обязанности президента, за глаза его так и называли – ВРИО. Конечно, он предпочёл бы на эту тему пообщаться с Первым, но следовало соблюсти приличия – ВРИО мог и обидеться, а это совершенно ни к чему.

– Ну что, Семён Терентьич, чем порадуете? – поинтересовался ВРИО, с явной опаской глядя на Черкашина.

– Особенно радоваться вроде нечему, – ответил председатель СП, по-прежнему сомневаясь, правильно ли поступил, решив докладывать не Первому, а этому.

– Что так? «Динамо» снова проиграло?

– Да это я как-нибудь переживу. Тут есть ещё кое-что... Так вот, скверные дела в военном ведомстве.

– Не может этого быть! – не согласился ВРИО. – Ведь там был уже скандал, я помню, восемь лет назад. На мой взгляд, этого вполне достаточно. Теперь всё переменилось, у них очень эффективный менеджер, ещё в налоговой службе себя проявил. Ну вот и на новом месте проводит радикальные реформы.

– Всё это, конечно, так. Хватка у него, дай бог, не отрицаю. Но результаты плановой проверки говорят о том, что им допущено немало нарушений.

– Наверное, пустяки какие-нибудь? Любите вы к честным людям придирааться.

– Если бы только так... – вздохнул Черкашин. – Я тут составил короткую записку, в ней основные недостатки перечислены. Ну вот смотрите, в финансовых делах неразбериха, необоснованные выплаты огромных премий и повышение зарплат.

– И что? Федюкину виднее, какие бонусы устанавливать своим сотрудникам.

– А неэффективное расходование средств?

– Не вижу оснований для жёстких выводов.

– А продажа имущества по сниженным ценам?

– Так ведь, Семён Терентьич, это рынок! – с каким-то даже придыханием воскликнул ВРИО. – Он наших директив не понимает, им в принципе невозможно управлять. А тут вообще речь идёт о продаже непрофильных активов. Они же гирями на военном ведомстве повисли.

– Это я понимаю, – кивнул Черкашин. – Я другого, Антон Евгенич, не могу понять. Зачем вкладывать бюджетные деньги в ремонт и благоустройство зданий, чтобы затем по дешёвке их продать?

– Нет, погодите... Если это так...

ВРИО призадумался. «Ох, как некстати! Не за горами выборы, а тут намечается скандал. Тогда нельзя будет и надеяться на переизбрание. Надо бы всё это дело придержать».

– Вот что, Семён Терентьич, вы все материалы передайте нам. Я своему контрольно-ревизионному управлению поручу в них разобраться. Есть ли там криминал или его нет, мне это непонятно. Но если ваши выводы, как ни странно, подтвердятся, тогда передадим всё в Следственный комитет.

Глава 7. Ах, какая женщина!

Когда он в первый раз увидел Василису, подумалось: «Ах, какая женщина! Нет, правда, баба – высший класс!» Тогда ещё она смотрелась несколько иначе, довольно стройная и подвижная, хотя и далека была от стандартов топ-моделей. Это позже, после регулярных застолий в ночном клубе, Василису разнесло. Коктейли, изрядная доза виски или коньяка – тут, если подсчитать, дополнительно тысяча калорий чуть не каждый вечер, а то и более того. В таком случае уже никакие диеты не помогут. Но именно дебелая и располневшая, она стала Федюкину особенно мила. Всё было при ней – и эти её большие груди с крохотными тёмными сосками, и чуть выпирающий живот. Но особенно его привлекали бёдра, тяжёлые, будто бы вырубленные из мрамора. И дело даже не в том, что она в этом новом качестве как нельзя лучше соответствовала габаритам своего партнёра, просто обладание таким роскошным телом настолько возбуждало, что он словно бы терял голову, лишался способности мыслить, глядя на неё.

Вот и теперь он слушал, поначалу никак не прерывая, и только смотрел, время от времени кивая головой.

– Коша! Ну пойми, тебе же это ничем не угрожает. Всё очень просто. Ты даёшь указание вложить несколько десятков миллионов в ремонт какого-то здания или в обустройство территории, а после этого как бы возникают обстоятельства – нехватка денег на строительство жилья для офицеров или что-то в этом роде. И вот ты вынужден этот ведомственный объект продать, причём цена его значительно возрасла после того, как подлатали. Но за какую цену его продадут – это не твоя забота, у меня есть в этом деле свои люди. В итоге мы продаём по заниженной цене, ну а маржу покупатель переводят через некую фирму на счёт твоего обожаемого зятя в швейцарском банке.

«Господи! Опять она о деньгах! – мысленно возопил Федюкин. – Стыдно сказать, так ведь не поверят. Мужик с голой бабой лежат в постели и строят планы, как разорить родное министерство. Смехота!»

Конечно, до разорения ещё очень далеко, для этого надо постараться. А Василисе лишь бы где-нибудь урвать, она бы и папашу своего разорила, если б знала как. Ну до чего же ненасытная! С другой стороны, она кому угодно фору даст в этих делах, ему бы никогда не пришло такое в голову. Ей-то что, а для него огромный риск. Единственное, почему Василису не решался прерывать: не вечно же ему сидеть на этой должности. Пусть говорит. Вот и генералы ропщут, наверняка и до Кремля их возражения уже дошли. А если так, то самое время поживиться напоследок. И что потом?.. Нет, всё же очень рискованное это дело!

– Видишь ли, милая, ты замечательно излагаешь. Только ведь белыми нитками всё шито. Пойми, если будем распродавать недвижимость, всех собак повесят на меня. Я же за это отвечаю.

– А пусть попробуют доказать!

– Господь с тобой! Так ведь всё равно конец карьере. В лучшем случае обвинят в халатности и отправят завхозом на казённый склад.

– Ну и зачем тебе эта карьера? Да при таких деньгах!..

– За деньги теперь не купишь ни свободу, ни положение в высшем обществе. Это не прежние времена. Теперь, куда ни приедешь, спросят: а откуда миллионы? И что я им скажу?

– Ну, можно островок купить где-нибудь в Тайланде, какое-то время переждать.

– Ты забываешь о том, что я носитель государственных секретов. Да никуда меня не выпустят, и не мечтай! – загрустил Федюкин.

– Эх ты! Такие деньги сами в руки просятся... – не унималась Василиса. – Послушай, если хочешь, я всё готова взять на себя, а ты как бы вообще не при делах. Ведь документы на продажу министр не обязан утверждать.

– Это как же так? – обиделся Федюкин. – Да чтобы я прятался за твоей спиной? Нет, это недостойно настоящего мужчины!

– Какой ты у меня галантный! – проворковал Василиса.

– Я не галантный. Просто не хотел бы потерять тебя. Ну сядешь ты. И кто будет выручать?

– Ты забыл про тестя...

– Ну ты, мать, даёшь! Да если он про нас с тобой узнает, так просто в асфальт любимого зятя закатает.

– Ну а твои друзья из «Дворянского гнезда»?

– Какие там друзья?! Да я им нужен, пока могу пользу принести их бизнесу. А в этом деле я буду работать только на себя.

– И на меня!

– Конечно, милая! – Федюкин, лёжа в кровати, потянулся. – Эх, идея до жути привлекательная, но тут надо всё как следует обмозговать, чтобы никто не подкопался. «Навар» может быть офигенный, но и риск большой!

Василиса задумалась. В чём-то её Коша прав. Однако из любого положения можно найти выход, особенно, когда ты при больших деньгах. Да, не хотелось бы делиться, но ничего тут не поделаешь. И предложила вполне разумный вариант:

– Не волнуйся, милый! Всё как надо сделаем. Если нужные люди будут в доле, никому и в голову не придёт нас заложить.

– Твоими бы устами...

– Ну так иди ко мне, любимый, – и жаркой грудью прижалась к лицу Федюкина, лишив его возможности и думать, и сомневаться, и что-то возражать...

Теперь, когда обо всём договорились, можно было начинать. Василиса составила список военного имущества, которое можно выставить на продажу, однако Федюкин усомнился, имеет ли он право закрыть такое количество военных академий, госпиталей и санаториев, не говоря уж о полигонах для испытаний техники. На это у Василисы нашёлся стопроцентный аргумент:

– Армия сокращается, и теперь такое количество офицеров не нужно никому. То же и с госпиталями – ведь нет никакой войны, откуда же у нас возьмутся раненые? Ну а с полигонами и вовсе просто: если взят курс на закупку зарубежной техники, так зачем её испытывать, если она изготовлена по мировым стандартам?

«Логика, конечно, бабья, – подумал Федюкин. – Ничем Василису не проймёшь! А что, может, и получится. По крайней мере, есть чем оправдаться в случае чего».

Вслед за этим Василиса проинструктировала особо доверенных лиц из числа тех, которые должны были участвовать в деле. Федюкин тоже времени даром не терял: обсудил с Пузаном, как лучше легализовать доходы, тот в этом поднаторел за последние несколько лет. Решили через подставные фирмы всё переводить на его счета – поди разберись, за что Федюкинскому зятю такие деньги платят. И завертелось!

Если бы не жадность, вполне возможно, что ничего бы не открылось. Да пусть жалуются, пусть кричат! Армия перевооружается, солдатиков обули, одели в новую форму – теперь никто и не посмеет ему возражать. Главное, что «наверху» довольны, а остальное по фигу!

Так вот о жадности. Когда от фирмы-покупателя получали «откат», деньги, как и договаривались, перечислялись некой своей фирме, ну скажем, за оказанные консультационные услуги при покупке здания или земли. Но разве за всеми уследишь? Дама, которая имела дело с покупателями, решила наварить кое-что помимо того, что ей полагалось. Видит, клиент богатый, так отчего бы не подоить этого «козла». Раз сошло, в другой раз тоже получилось, а третий клиент не захотел, чтобы его доили. Пошёл в полицию, «откат» передавал под их контролем,

и всё, привет родителям! Сливкину арестовали, поместили в габэшное СИЗО. Федюкин, как узнал, поклялся, что в последний раз имеет дело с бабами. Естественно, за исключением тех случаев, когда без них невозможно обойтись.

К тому времени полученный «навар» уже составлял десятки миллионов долларов в валюте. Федюкин этими деньгами не пользовался, много ли ему надо в его положении министра. Если понадобится оплатить счёт в парижском отеле или ещё что, бюджет министерства всегда к его услугам. Но странное дело, нашлись крохоборы, которые к этому и придрались. Что тут поделаешь, Федюкина подвела всё та же жадность.

Однако всех подельников в этом отношении превзошла обожаемая Василиса. Федюкин и не предполагал, что стоимость её безделушек тянет на четыре миллиона долларов. Зачем ей столько?! Конечно, и он ей какие-то украшения дарил, но не предполагал, что она всё складывает в мешки, которые держала, надо полагать, под своей кроватью. Нет уж, куда надёжнее капитал где-нибудь в европейском банке. Но только после обыска в квартире Василисы он понял, что она даже его самого надула. Судя по всему, и тот «откат», на котором прокололась Сливкина, предназначался в основном для Василисы. Вот дура! Ведь такое дело загубила! После того, как он всё понял, позвонил ей и сказал, что ради её же безопасности в ближайшие месяцы им не следует встречаться. Она вроде бы всплакнула, но ему было уже всё равно. Такое предательство, это уж точно, не прощают!

Глава 8. Парадоксы власти

Да, все они хотят подлезть под власть, чтобы сосать, как из титьки молоко. Эта мысль была, в общем, не нова, она и раньше приходила ему в голову, но только теперь Владлен Владленович понял, каких масштабов достигло воровство. Собственно говоря, называть это можно по-разному – злоупотребление служебным положением, мошенничество или кумовство. Но всё сводилось к одному – набить потуже свой карман, а если это не удавалось, начисто терялся интерес к порученной работе.

Чего он только не предпринимал! И перетасовывал кадры, лишая особо жадных близости к бюджету, и привлекал людей из частного бизнеса на государственную службу. Всё было без толку! Умные, черти, изворотливые, при том, что невозможно за всеми уследить. Увы, лицемерие 80-х, помноженное на алчность 90-х, способствовало появлению такой породы, которую либеральными методами перевоспитать просто невозможно. Но даже если вырубить под корень, что тогда? Тогда останешься наедине с толпой тупоголовых ворчунов, готовых жить хоть впроголодь, лишь бы всем всё было поровну.

Давно уже стало понятно, что надо готовить новые, патриотически настроенные кадры. Какое-то движение в этом направлении намечалось, но что хорошего можно ожидать, если и преподавательский состав в университетах, и научная общественность, и культурная прослойка – почти все были против него. Можно припомнить унижение, которое он испытал на Общем собрании Академии наук, когда прокатили Жоркиного брата, Мотю Барчука, не утвердив директором института, которым тот руководил лет двадцать. Тогда он снова не сдержался:

– Это что ж такое получается? Это как же? Выходит, что с вами договариваться ни о чём нельзя? Интеллектуальная элита, вашу мать, а ведь элементарных вещей не понимаете.

Дословно он уже не помнил, что тогда сказал, но как тут не вспылить, когда всего-то требовался от академиков суший, можно сказать, завалященький пустяк – проголосовать за предложенного им кандидата. Нет, свободу выражения мнений он не собирался запрещать, однако и свобода должна иметь какие-то пределы. Вот ведь и деньги немалые для этих дармоедов от бюджета отрываем, а они что? Что себе позволяют? Нет, так мы друг друга не поймём. Иногда даже возникала мысль: разогнать бы их к чёртовой матери! Что толку от такой науки, если мы лет на двадцать отстаём от того, что есть на Западе? Однако Мотя снова за своё: отдай ты мне всю физику, тогда я тебе через пару лет передовые технологии поднесу на блюде с голубой каёмочкой. А как ему отдашь эту физику, если он до сих пор не академик? Наука – это же не министерство какое-нибудь, где всего-то и требуется посадить энергичного дельца, даже если он к этой отрасли не имел прежде никакого отношения. Тут главное в другом! Было бы желание и опыт управления, а уж как эту самую отрасль поднять, он сообразит. Наука же – это чёрная дыра, и что там делается, понять нет ну просто никакой возможности! Вот пишут формулы, колдуют над пробирками, а что на самом деле происходит – как узнать? А если ничего в итоге не получится, так скажут: отрицательный результат – это тоже результат. Вот тебе и вся наука!

Но и Барчук хорош, тот, что Мотя. Директор, секретарь, декан, завкафедрой – и всё-то ему мало. А тут ещё какие-то исследовательские комплексы мега-класса, какие-то мега-проекты ему подавай. Так ведь где «мега», там и воровство гигантское... Да ладно, пусть потешится! Только бы денег слишком много не просил.

После того случая, когда академики обидели, он почти не глядя подписал проект реформы Академии наук. Случилось это через месяц, поэтому воспоминание было ещё достаточно свежо. Да и как можно всё это забыть? Он вовсе не из тех, кто способен подставить правую щеку, если ударили по левой. Правда, так было не всегда – Раечку-то в итоге он простил. Но это уж совсем особый случай. Недавно позвонила её мать:

– Да что она тебе такого сделала? Девчонка всего на всего политикой увлеклась. Ну что поделаешь, вся в покойного отца...

Если бы и в самом деле увлеклась, тогда бы по-другому разговаривали. А тут ведь только примитивный пиар – достаточно глянуть в её твиттер. Но можно ли пиариться за счёт падения авторитета высшей власти?

– Всякому увлечению надо меру знать, а то, знаешь, до чего можно договориться?

– Так я и говорю, ещё совсем дитя.

Да уж, дитя! С её-то послужным списком давно пора бы выходить в тираж. На пенсии мемуары о собственных похождениях пописывать. Говорят, с кем только не вожжалась! А туда же, ей подавай теперь политику. Впрочем, не зря говорят: грязное это дело. Но уж точно не для баб!

В общем, пообещал, а то ведь мамаша беспокоится, что может пострадать бюджет – семейный бюджет, что немаловажно. Это понятно, на государство им плевать, лишь бы рука дающего не оскудевала.

Единственное, что в этих обстоятельствах утешает – экономика. Не так уж плохо, даже несмотря на кризис во всём мире. Слава богу, ещё не изобрели такого источника энергии, который заменил бы нефть и газ. Помнится, ещё в застойное время обещали – то через десять лет, то через двадцать... А воз и ныне там – нет управляемого термоядерного синтеза! И неизвестно, когда будет. Вот вам и наука...

Но есть ещё один приятный момент – наконец-то занялись всерьёз перевооружением нашей армии. Правда, основные идеи в основание этих достижений заложили ещё в доперестроечное время. Да это и неважно, был бы толк. Так ведь известно, что наши программисты, почитай, из самых лучших в мире!

Всё бы ничего, однако некстати возник скандал в военном ведомстве. Вроде бы мелочь, кто-то там попался на получении «отката». Пусть так, но главная опасность видится в другом. Скверно то, что даже во властной вертикали не наблюдается единства! Вот захотели сместить этого Федюкина, придрались к каким-то мелочам и раздули дело. И ведь ткни пальцем в это дело – лопнет, словно мыльный пузырь, будто бы и не было. Однако так нельзя – терпение народа тоже имеет свой предел. То-то и оно, с одной стороны – простые люди, а с другой – раздражаемая противоречиями властная элита. И никакой надежды на консенсус между ними. Пожалуй, только повышение жизненного уровня сможет как-то примирить. Но вот ведь даже в сытой Европе, чуть только кризис, сразу начинается...

«В сущности, и у нас всё с кризиса началось, ну разве что немного раньше, сразу после выборов. Где-то на местах переусердствовали лизоблюды, а отозвалось здесь, в Москве. И главное, лозунги у протестующих абсурдные! Ну где я им возьму свободные выборы, если такого нигде в мире нет? Любой человек, претендующий на власть, старается внедрить в головы людей одну единственную мысль – только он, родимый, способен им помочь, обеспечить процветание. Если выборы проходят в экономически развитой стране, на подготовку к ним тратят сотни миллионов долларов! А зачем? Достаточно каждому избирателю в почтовый ящик сунуть программу кандидата на выборную должность, да организовать на телевидении дебаты. И все дела! А тут – флажками машут, в воздух чепчики бросают, гимны распевают... Ну где увидели свободу? Только лапшу людям навешивают на уши!»

Как-то на пресс-конференции задают вопрос:

– А не кажется ли вам, что слишком жестоко поступили с пусси-райот?

Не кажется! А отвечать надо так, чтобы не придрались. Ну где же тут свобода слова, если нет возможности сказать всё то, что накопилось? Нет, правда, словно бы свет клином сошёлся на этих самых девках. Выпороть бы их прилюдно, так ведь закон не разрешает.

И снова сказочки – про соблюдение прав меньшинств, про независимый суд и всё такое. Тут либо одно, либо другое. Либо игнорирование прав большинства, либо идти на поводу у

этих геев. Либо власть будет давить на суд, либо «жирные коты» будут проплачивать оправдательные приговоры. Увы, другого пока что не дано. Недавно в одной книжке прочитал, что надо улучшать породу. Всё верно, но сколько же лет пройдёт, пока дождёшься результата? Ему-то уж явно не дожить.

Вот и приходится в то или иной мере мириться с тем, что есть. Что-то подкорректируешь, где-то подправишь, кого-то попугаешь, чтобы неповадно было впредь. А в сущности, всё суета сует. Только ведь ничего другого не придумать.

Глава 9. Тюлькин и Пузан

В недавние времена, то есть в лихие 90-е, чтобы развлечься, вместе с подружками отправлялись в баню. Позже устраивали пикники у себя на даче в Баковке. Теперь же предпочитают и бражничать, и обсуждать курсы акций где-нибудь в отдалении от прежних мест обитания. Антиб или Монте Карло – это подойдёт. Ну в крайнем случае, можно пообщаться и в «родовом поместье» на Рублёвке.

На этот раз собеседникам было не до развлечений. Как принято говорить, потехе – час, а делу – оставшееся время. А всё потому, что на веранде огромного особняка в псевдоготическом стиле – такие строят в основном в Швейцарии – расположились двое солидного вида мужиков. Один, толстомордый коротышка, и другой, чем-то похожий на Дубкова, но моложе. Впрочем, Дубков тут явно ни при чём, поскольку ни с Евлампием Никаноровичем Тюлькиным, ни с Христофором Григорьевичем Пузаном он никогда не знался, ему это было просто ни к чему.

Разговор развивался по привычной колее. Стоило им сесть за стол, естественно при наличии закуски, так сразу же возникало желание обсудить кое-что из актуальных проблем российской экономики.

– Все берут, – утверждал Пузан без тени сомнения в произносимом тексте. – Только одни на первом же червонце попадают, а другим всё сходит с рук. А почему? Да потому что свой своего ни при каких обстоятельствах не сдаст. Ты заруби себе это на носу.

Евлампий Никанорович не возражал:

– Это как вредное производство. Только там за вредные условия труда выдают молоко, а здесь позволяют подворовывать. Само собой, в пределах допустимого. Ну а если уж зарвался...

– Вот-вот! Надо действовать с оглядкой. Если находишься при должности, веди себя скромно. А выйдешь на покой, тогда и можно оторваться!

– Это же сколько ждать? – огорчился Тюлькин. – Нет, извини, я так не могу. Жить надо сейчас, надо радоваться жизни, а то и не заметишь, как состаришься.

– Тоже верно. Но такие торжества нужно устраивать в неприметном месте, чтобы не бросалось слишком уж в глаза. Я вот день рождения отмечал на Кипре.

– Да нет, Христофор! Так тоже нельзя. Кругом жизнь бьёт ключом, а с чего это я должен зажиматься? Да и не могу всю эту ораву родственников, знакомых, свояков вывести на Кипр или в Монте Карло. Очень уж накладно будет.

– Ну смотри... – Пузан прищурил глаз, как бы оценивая ближайшие перспективы Тюлькина. – В одном ты, безусловно, прав – надо пользоваться жизнью, причём на всю катушку.

Собеседники выпили ещё по рюмке, закусили, чем бог послал, и продолжили интересный разговор.

– Я вот что тебе скажу, – глубокомысленно заметил Тюлькин. – В России сложилась уникальная ситуация. Власть держится на плаву, пока берут.

– Пока дают, – уточнил Христофор Григорьевич, запихивая в рот очередную порцию лангустов.

– И это верно! Во власть идут, чтобы так или иначе заработать, – согласился Евлампий Никанорович, потирая руки.

– И что самое важное, не надо размениваться по мелочам. Скажем, в какой-нибудь жил-конторе тоже можно пожить, но стоит ли из-за копеек рисковать?

– А я, между прочим, с этого и начинал, на «белую головку» зарабатывал слесарем-сантехником, – потупив взгляд, признался Тюлькин.

– Не может быть! – обрадовался Христофор. – Тогда мы с тобой как братья-близнецы, я ведь тоже не всегда торговал «фольксвагенами» и недвижимостью. Правда, к унитазам никогда отношения не имел, но мы с тобой вроде как участвовали в одном процессе...

– Это ты о чём? – насторожился Тюлькин.

– А вот! К примеру, я свеклу или морковку выращивал и собирал, чтобы некий гражданин съел борщ, нахваливая продукцию нашего совхозного хозяйства. А ты, после того, как у него закончится пищеварительный процесс, способствовал облегчению желудка.

– Я сроду слабительным не торговал!

– Эх ты! Одно слово – унитаз! Ну ладно, ты не обращай внимания, закусывай.

Дело могло дойти и до обидных выражений, и до потасовки, однако было уже столько выпито, что мир представлялся собеседникам куда более привлекательным, чем на самом деле. Короче, Евлампий на этот раз собутыльника простил, да и не стоило ссориться с родственником человека, от которого всё его нынешнее благополучие зависит.

Тут следует заметить, что дело происходило незадолго до празднования юбилея Тюлькина. Намеревался он провести эту акцию с размахом, исходя из принципа – один только раз живём, тем более что полсотни стукнуло. Правда стукнуть-то должно было только через две недели. К этому времени уже была арестована Сливкина, уже изъяли килограммы драгоценностей у Василисы, но даже теперь ни Тюлькин, ни тем более Пузан не могли предположить, что кто-то поднимет руку на всесильного Федюкина. Пока он находится у власти, и они за каменной стеной. Вот потому-то и резвились до упаду. Впрочем, Пузану нечего было опасаться – на государственной службе он не состоял, так что и предъявить по большому счёту нечего, разве что гайку какую своровал, когда ещё работал в совхозе трактористом.

А вот Тюлькин зря так раздухарился. Это ж надо – собрался справить юбилей в зале Екатерининского дворца! Конечно, деньги через его контору прокачивались офигенные, поскольку Аркаша стопроцентно Тюлькину доверял – сработались, ещё когда Федюкин был в налоговой. Но будь Евлампий чуточку умнее, не стал бы так явно подставляться.

Все эти соображения отошли на задний план, поскольку Тюлькин предложил поехать к девкам. К этому времени он уже лыка не вязал, но разве можно отказать будущему юбиляру. «Слабак! – подумал Христофор. – Но главное, чтобы на следствии держался, – и тут же прикусил губу: – Чур меня, чур! Только б не накаркать».

А спустя всего какой-нибудь час Христофор и Евлампий сидели на ступенях бассейна, по грудь погрузившись в тёплую воду, и, поочередно наливая себе из огорчительно быстро пустевшего штофа либо по очереди прикладываясь к бутылке белого игристого, причём опорожня её прямо «из горла», рассуждали о превратностях быстротекущей жизни.

– Вообще-то, водки я не пью, – еле ворочая языком, признавался Христофор. – Мне бы сухонького!

– А как насчёт портвешка, к примеру, «Три семёрки»?

От этих слов, произнесённых неосмотрительно, то есть явно некстати, Пузану стало нехорошо и всё дальнейшее происходило перед его глазами как бы с купюрами, поскольку состояние души и желудка предполагало периодическое отползание куда-то в слякотный и неуютный сумрак, после чего наступало временное облегчение и появлялась надежда на более или менее приемлемый исход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.